

БЕСЦВЕТНЫЙ

**ТРЕВОР
НОЙ**

БЕСЦВЕТНЫЙ

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 791.6:929 Ной Т.
ББК 85.374(3)-8 Ной Т.
Н72

BORN A CRIME:
Stories from a South African Childhood
by Trevor Noah

Ной, Тревор.

Н72 **Бесцветный / Тревор Ной ; [пер. с англ. М. А. Крузе]. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Книги, которые все ждали).**

Мемуары Тревора Ноя — красноречивое и трогательное повествование о том, как в полной нищете и несправедливости вырос ребенок смешанной расы, рожденный матерью-одиночкой в годы жесточайшего апартеида в ЮАР.

Мать Тревора научила его использовать юмор, чтобы помочь справиться с жизнью, и он хорошо усвоил этот урок. Несмотря на наличие веских причин для чувства жалости к себе и обиды, Тревор умел находить юмор даже в самых сложных обстоятельствах. Не принудительный, шуточный юмор, а просто сдержанную оценку странности жизни.

**УДК 791.6:929 Ной Т.
ББК 85.374(3)-8 Ной Т.**

© 2016 by Trevor Noah
© BORN A CRIME Text Copyright 2016 by Trevor Noah
© Крузе М.А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1. БЕГИ!	11
Глава 2. РОЖДЕННЫЙ ПРЕСТУПНИКОМ	26
Глава 3. ТРЕВОР, МОЛИСЬ!	39
Глава 4. ХАМЕЛЕОН	54
Глава 5. ВТОРАЯ ДЕВОЧКА	66
Глава 6. ЛАЗЕЙКИ	80
Глава 7. ФУФИ	95
Глава 8. РОБЕРТ	102

ЧАСТЬ II

Глава 9. ТУТОВОЕ ДЕРЕВО	115
Глава 10. ДЛИТЕЛЬНОЕ, ТРУДНОЕ, ВРЕМЕНАМИ ТРАГИЧЕСКОЕ И ЧАСТО УНИЗИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮНОШИ В СЕРДЕЧНЫХ ДЕЛАХ. Часть 1-я: День святого Валентина	127
Глава 11. АУТСАЙДЕР	133
Глава 12. ДЛИТЕЛЬНОЕ, ТРУДНОЕ, ВРЕМЕНАМИ ТРАГИЧЕСКОЕ И ЧАСТО УНИЗИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮНОШИ В СЕРДЕЧНЫХ ДЕЛАХ. Часть 2-я: Увлечение	138

Глава 13. ДАЛЬТНИК	145
Глава 14. ДЛИТЕЛЬНОЕ, ТРУДНОЕ, ВРЕМЕНАМИ ТРАГИЧЕСКОЕ И ЧАСТО УНИЗИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮНОШИ В СЕРДЕЧНЫХ ДЕЛАХ. Часть 3-я: Выпускной вечер	154

ЧАСТЬ III

Глава 15. ДАВАЙ, ГИТЛЕР!	177
Глава 16. «СЫРНЫЙ ПАРЕНЬ»	194
Глава 17. МИР НЕ ЛЮБИТ ТЕБЯ	219
Глава 18. ЖИЗНЬ МОЕЙ МАТЕРИ	240

ЗАКОН О БОРЬБЕ С БЕЗНАВРСТВЕННОСТЬЮ, 1927 г.

Запретить противозаконные плотские отношения между европейцами и местными жителями и другие подобные действия.

ДА БУДЕТ УСТАНОВЛЕНО Его Величеством Королем, Сенатом и Законодательным собранием Южно-Африканского Союза следующее:

1. Мужчина европейской расы, вступивший в противозаконные плотские отношения с местной женщиной, и местный мужчина, вступивший в противозаконные плотские отношения с женщиной европейской расы... будет признан виновным в преступлении и подлежит осуждению на тюремный срок, не превышающий пять лет.

2. Местная женщина, позволяющая мужчине европейской расы вступить с ней в противозаконные плотские отношения, и женщина европейской расы, позволяющая местному мужчине вступить с ней в противозаконные плотские отношения, будет признана виновной в преступлении и подлежит осуждению на тюремный срок, не превышающий четыре года...

Настоящий Закон может именоваться «Законом о борьбе с безнравственностью», 1927 г., и вступает в действие 30 сентября 1927 г.

ЧАСТЬ I

ГЕНИАЛЬНОСТЬ АПАРТЕИДА ЗАКЛЮЧАЛАСЬ В СПОСОБНОСТИ УБЕДИТЬ ЛЮДЕЙ, ЯВЛЯВШИХСЯ подавляющим большинством, враждовать друг с другом. Обособленная ненависть — вот что это было. Вы разделяете людей на группы и заставляете каждую группу ненавидеть другую, что дает возможность управлять всеми. В то время черные южноафриканцы по количеству превосходили белых южноафриканцев, соотношение было примерно пять к одному. Но мы были разделены на разные племена с разными языками: зулусы, коса, тсвана, сото, венда, ндебеле, тсонга, педи и многие другие.

Задолго до введения апартеида племена враждовали и воевали друг с другом. Правление белых использовало эту неприязнь, чтобы разделять и завоевывать. Эти племена и другие небелые люди систематически классифицировались по различным группам и подгруппам. Затем эти группы получили права и привилегии различного уровня — с целью сохранить их разногласия.

Пожалуй, самый яркий пример таких разделений — то, что существовало между двумя доминирующими южноафриканскими племенами — зулусами и коса. Мужчина-зулус известен как воин. Он горд. Он забывает о разуме и сражается. Когда вторглись колони-

альные армии, зулусы вступали в бой, не имея никакого оружия, кроме копий и щитов, с которыми сражались против мужчин с ружьями. Зулусы погибали тысячами, но не прекращали сражаться. Коса, наоборот, гордятся тем, что являются мыслителями. Моя мать — коса. Нельсон Мандела был коса. Коса тоже вели долгую войну с белым человеком, но, поняв, что такое противостояние врагу, вооруженному лучше, тщетно, многие вожди коса выработали более хитрую тактику. «Эти белые люди здесь, хотим мы этого или нет, — говорили они. — Посмотрим, какие из принадлежащих им инструментов могут быть полезны для нас. Вместо того чтобы противостоять англичанам, лучше выучить английский язык. Мы поймем, что говорит белый человек, и сможем вынудить его вести с нами переговоры».

Зулусы продолжали воевать с белым человеком. Коса пытались обыграть белого человека. Долгое время ни то, ни другое не было особенно успешным. Каждый народ обвинял другой в проблеме, в появлении которой не был виноват ни один из них, и это ожесточение апартеидом подогревалось. Десятилетия общим врагом зулусов и коса эти чувства сдерживались. Потом апартеид пал, Мандела вышел на свободу, и — черная ЮАР стала воевать сама с собой.

Глава 1

БЕГИ!

Иногда в известных голливудских фильмах бывают эти безумные сцены преследования, когда кто-нибудь выпрыгивает (или его выбрасывают) из мчащегося автомобиля. Человек падает на землю и какое-то время катится. Потом эти герои останавливаются, вскакивают и отряхиваются, как будто ничего такого и не произошло. Каждый раз, когда я вижу это, я думаю: *«Что за чушь. Когда тебя выкидывают из едущей машины, тебе приходится намного хуже».*

Мне было девять, когда мама выкинула меня из автомобиля на ходу. Это случилось в воскресенье. Я точно знаю, что это было воскресенье, потому что мы возвращались домой из церкви. А в детстве я каждое воскресенье посещал церковь, мы *никогда* ее не пропускали. Моя мама была (и до сих пор остается) очень религиозной женщиной. Настоящей христианкой. Как и аборигены по всему миру, черные южноафриканцы приняли религию своих колонизаторов.

Впрочем, под «приняли» я имею в виду, что нам ее навязали. Белый человек был довольно суров с местными. Он говорил: «Вы должны молиться Иисусу. Иисус вас спасет». На что местные отвечали: «Да, нам нужно спасение — спасение от *вас*. Но пока оставим эту тему. Ладно, дадим этому Иисусу шанс».

Религиозной была вся моя семья. Но если мама всецело принадлежала Иисусу, то бабушка сочетала христианскую веру с традиционными верованиями коса, с которыми она выросла, общаясь

ГЛАВА 1

с духами наших предков. Я долго не мог понять, почему так много черных отказалось от своей родной религии в пользу христианства. Но чем чаще мы ходили в церковь и чем дольше я сидел на тех скамьях, тем больше понимал, как работает христианство: если ты американский индеец и молишься волкам — ты дикарь. Если ты африканец и молишься предкам — ты первобытный человек. Но когда белые молятся парню, превратившему воду в вино, — это попросту здравый смысл.

В моем детстве церковь, или та или иная ее форма, присутствовала как минимум четыре вечера в неделю. Вечером по вторникам было молитвенное собрание. В среду вечером — изучение Библии. В четверг — Дом Господень для юных. По пятницам и субботам у нас были выходные (время грешить!). А в воскресенье мы шли в церковь.

В три церкви, если быть точным. Была причина тому, что мы ходили в три церкви: мама говорила, что каждая церковь дает ей что-то особенное. Первая церковь предлагала торжественное восхваление Господа. Вторая — глубокий анализ библейских текстов, который мама любила. Третья — страсть и катарсис. Это было место, где ты действительно чувствовал в себе присутствие Святого Духа.

Совершенно случайно, когда мы ходили туда-сюда между ними, я заметил, что каждая церковь имеет собственный расовый состав прихожан. Церковь Ликования была «смешанной». Аналитическая церковь — «белой». Церковь страсти и катарсиса — «черной».

«Смешанной» была библейская Церковь Слова Божьего. Она была одной из тех огромных, суперсовременных пригородных церквей. Пастор Рей Мак-Коли, бывший бодибилдер с широкой улыбкой и характером чирлидера, выступая перед прихожанами, действительно делал все возможное для того, чтобы Иисус казался классным. Здесь было что-то вроде арены, а рок-группа играла новейшую христианскую современную популярную музыку. Все пели, и если ты не знал слов — ничего страшного, потому что слова были прямо перед тобой, на большом экране. Проще говоря, это было христианское караоке. Здесь, в «смешанной» церкви, я всегда чувствовал восторг.

«Белой» церковью была Роузбэнк-Юнион-Чёрч в Сэндтоне, очень «белом» и очень богатом районе Йоханнесбурга. Я любил «белую»

церковь, потому что мне на самом деле не приходилось посещать основную службу. Моя мама ходила на нее, а я — только в молодежную часть, в воскресную школу. В ней мы читали классные истории. Любимой была про Ноя и наводнение; к потопу был у меня особый интерес. Но мне нравились и истории про Моисея и расступившееся перед ним Красное море, про Давида, сразившего Голиафа, про Иисуса, выгнавшего из храма менял.

Я рос в доме, почти не приобщенном к популярной культуре. «Boyz II Men» были под запретом в доме моей матери. Песни о каком-то парне, всю ночь трахавшем девицу? Нет, нет, нет. Это было под запретом. Другие ребята в школе пели «End of the Road», а я совершенно не понимал, что это. Я знал об этих «Boyz II Men», но я на самом деле не знал, кем они были. Единственной музыкой, которую я знал, была церковная — возвышенные воодушевляющие песни, прославляющие Иисуса.

То же самое было с фильмами. Мама не хотела, чтобы мой ум засорялся фильмами с сексом и насилием никогда. Так что моим кино была Библия. Моим супергероем — Самсон. Он был для меня «настоящим мужчиной». Парень, побивший тысячу людей ослиной челюстью? Он нереально крут! Со временем ты доходишь до Павла, пишущего Послание к Ефессянам¹, и теряешь нить сюжета, но Ветхий Завет и Евангелие? Я могу процитировать любой отрывок из этих страниц, глав и строф. В «белой» церкви каждую неделю были игры и опросы по Библии, и я мог дать фору любому.

*Мама не хотела, чтобы мой ум
засорялся фильмами с сексом и насилием никогда.
Так что моим кино была Библия.*

Потом была «черная» церковь. Где-нибудь всегда шла та или иная церковная служба для черных, и мы побывали везде. В поселке это была обычно уличная церковь, стоящая шатром. Чаще всего мы ходили в церковь моей бабушки, методистский храм старой школы,

¹ Послание к Ефессянам — Книга Нового Завета (прим. ред.).

ГЛАВА 1

где пять сотен африканских бабуль в сине-белых блузках сжимали в руках свои Библии и терпеливо жарились на горячем африканском солнце.

Я не лгу, «черная» церковь была сурова. Никаких кондиционеров. Никаких стихов на больших экранах. И это продолжалось целую вечность, как минимум три или четыре часа, что смущало меня, потому что посещение «белой» церкви длилось около часа: войти и выйти, спасибо, что пришли. Но в «черной» церкви я мог сидеть, как мне казалось, всю жизнь, пытаюсь понять, почему время идет так медленно. *А может быть так, что время на самом деле остановилось? Если это так, почему оно остановилось в «черной», а не в «белой» церкви?*

В конце концов я решил, что черным людям надо проводить больше времени с Иисусом, потому что мы больше страдаем. «Я здесь, чтобы получить благодати на неделю», — всегда говорила мама. Она считала, что чем больше времени мы проводим в церкви, тем больше благодати в нас накапливается, как на бонусной карте «Старбакса».

Единственным достоинством, перевешивающим все недостатки «черной» церкви, было то, что я знал: если я досижу здесь до третьего или четвертого часа, бесы начнут изгоняться из людей.

Люди, одержимые бесами, будут бегать по проходам, как сумасшедшие, визжа во весь голос. Помощники будут перехватывать их, как вышибалы в клубе, и удерживать перед пастором. Пастор будет хватать их за головы и резко трясти вперед и назад, крича: «Я изгоняю этот дух во имя *Иисуса!*» Некоторые пасторы были более жестокими, чем другие, но их объединяло то, что они никогда не останавливались, пока бес не был изгнан, а прихожанин не слабел и не падал.

Человек должен был упасть. Если он не падал, это означало, что бес был сильным, и пастору надо получше взяться за него. Да пусть ты даже полузащитник в НФЛ, неважно. Тот пастор обязательно бы тебя *уронил*.

Господи, как это было весело.

Христианское караоке, увлекательные рассказы о забияках, жестокие целители — о да, я любил церковь. Что мне не нравилось, так

это расстояния, которые мы должны были проходить, чтобы добраться до церкви. Это был грандиозный поход.

Мы жили в Иден-Парке, крошечном пригороде за границей Йоханнесбурга. Путь до «белой» церкви занимал у нас час, еще сорок пять минут надо было потратить, чтобы дойти до «смешанной» церкви, и еще сорок пять минут, чтобы доехать до Соуэто, где была «черная» церковь. Затем, как будто этого было мало, в некоторые воскресенья мы возвращались в «белую» церковь на специальную вечернюю службу. К тому времени, когда поздно вечером мы возвращались домой, я падал в кровать.

То воскресенье (воскресенье, когда меня вышвырнули из едущего автомобиля) началось, как и любое другое. Мама разбудила меня, приготовила мне на завтрак кашу. Я умылся, пока она одевала моего маленького брата Эндрю (которому было тогда девять месяцев). Потом мы вышли на подъездную дорожку, но — когда наконец пристегнулись и были готовы отправиться в путь, машина не завелась. У мамы был древний, потрепанный ярко-оранжевый «Фольксваген-жук», который она приобрела почти даром. А почти даром он достался ей потому, что постоянно ломался.

Я до сих пор ненавижу подержанные автомобили. Почти все плохое, что случилось в моей жизни, начиналось из-за подержанного автомобиля. Из-за подержанных автомобилей меня оставляли после уроков за опоздание в школу. Из-за подержанных автомобилей нам приходилось «голосовать» на обочине шоссе. Подержанный автомобиль стал и причиной того, что мама вышла замуж. Если бы не «Фольксваген», который не завелся, нам не пришлось бы искать механика, который стал ей мужем (а нам с Эндрю отчимом). Который стал человеком, годами мучавшим нас и всадившим пулю в затылок мамы. Так что новый автомобиль я каждый раз покупаю с гарантией.

Как бы я ни любил церковь, мысль о девятичасовом походе от «смешанной» церкви к «белой», потом — к «черной», а затем — снова к «белой» церкви просто не хотела уместиться в голове. И на автомобиле это было довольно тяжело, а на общественном транспорте получилось бы в два раза дольше и в два раза труднее. Я мысленно молился: *«Пожалуйста, скажи, что мы останемся дома.»*